

Социокультурная реальность: структура и факторы исторической динамики

Слемнев М.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Потребность налаживания конструктивного диалога культур при сохранении национальной специфики каждой из них приводит к возрастанию философско-методологического интереса к уникальному виду бытия — социокультурной реальности.

Цель статьи — раскрыть структуру и проанализировать основные факторы устойчивого развития социокультурной реальности.

Материал и методы. Материалом исследования является общество в его социокультурном измерении. Рассмотрение социокультурной реальности в виде саморазвивающейся системы проведено в контексте принципа синергетики о фрактальном устройстве мира.

Результаты и их обсуждение. Концепт «социокультурная реальность» представлен как логико-семантическое пересечение понятий «социальное», «культурное» и «реальное». Выделены два главных уровня организации социокультурной реальности: обыденный, повседневный и специализированный, институциональный. В своем системном единстве они выполняют функцию программы деятельности, поведения и общения людей. Диахронная, историко-генетическая презентация социокультурной реальности позволяет выявить в ней ретроспективную, консервативную часть; доминирующее концептуальное ядро, диалектически снятое из предшествующих программ; концептуальные зародыши социокультурных программ будущего. Показано, что качественную устойчивость социокультурных структур обеспечивают историческая память народа, его менталитет и код национальной культуры.

Заключение. При разрушении хрупких ментальных оснований культуры она не только вырождается, но и возникает угроза исчезновения самого народа как этнической и социальной общности. Вот почему социокультурные структуры общества, которые хранят культурный геном народа, следует тщательно оберегать от деструктивных внешних воздействий. Любые культурные заимствования необходимо пропускать через жесткое «сито» ментального отбора.

Ключевые слова: культура, социум, социокультурная реальность, историческая память, менталитет, код культуры.

(Ученые записки. — 2016. — Том 22. — С. 99–105)

Social and Cultural Reality: Structure and Factors of Historical Dynamics

Slemnev M.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»

The need in setting up constructive dialogue of cultures while retaining national specificity of each of them leads to the increase of philosophic and methodological interest in a unique type of being which is social and cultural reality.

The purpose of the article is to reveal the nature of social and cultural reality and to analyze main factors of its development.

Material and methods. The material of the study is structure of social and cultural reality and mechanisms of its historical dynamics. Traditional general logics as well as general research methods are used. Consideration of social and cultural reality as a self-developing system is made in the context of the principle of synergetics about fractal composition of the world.

Findings and their discussion. The concept of social and cultural reality is presented as logical and semantic crossing of the notions of social, cultural and real. Two main levels of social and cultural reality organization are singled out: the everyday and the specialized, institutional. In their system unity they perform the function of the program of action, behavior and communication of people. The diachronic, historical and genetic presentation of social and cultural reality makes it possible to find out in it the retrospective, conservative part; the dominating conceptual nucleus, which is dialectically taken from previous programs; conceptual fetuses of social and cultural programs of the future. It is indicated that qualitative stability of social and cultural structures is provided by people's historical memory, their mentality and code of the national culture.

Conclusion. Destruction of fragile mental bases of culture results not only in the disappearance of culture but also in the threat of disappearance of the whole people as an ethnic and social community. That is why social and cultural structures of the society, which

preserve cultural genome of the people, should be thoroughly protected against destructive outer impacts. Any cultural borrowings should go through scrupulous checks.

Key words: culture, society, social and cultural reality, historical memory, mentality, culture code.

(Scientific notes. — 2016. — Vol. 22. — P. 99–105)

Процесс глобализации имеет ярко выраженную тенденцию к унификации культур. Как следствие, у многих народов возникает естественное желание сохранения своей культурной специфики и национальной идентичности. Все это является основанием для оживления логико-методологического интереса к уникальному виду бытия — социокультурной реальности.

Цель статьи — раскрыть структуру и проанализировать основные факторы устойчивого развития социокультурной реальности.

Материал и методы. Материалом исследования является общество в его социокультурном измерении. Используются традиционные общелогические (абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция) и общенаучные (системный, структурно-функциональный) методы. Рассмотрение социокультурной реальности в виде саморазвивающейся системы проведено в контексте принципа синергетики о фрактальном устройстве мира.

Результаты и их обсуждение. Понятие «социокультурная реальность» в последнее время стало активно использоваться в философском, социологическом, культурологическом, политологическом и иных видах социогуманитарного дискурса. Имеется множество его определений. Это обусловлено рядом факторов: многогранностью обсуждаемого феномена, контекстом рассмотрения, лингвистической традицией, стилем научного мышления и, наконец, сложной логической структурой концепта. Он представляет собой семантическое пересечение трех понятий — «реальное», «социальное» и «культурное». И каждое из них отличается богатой полисемией.

Так, специалисты в области культурологии насчитывают около 600 определений культуры. Известно немало трактовок социального. О социальном говорят в широком и узком смысле слова, выделяют в нем философский, социологический и экономический аспекты, разграничивают социальное и социальное. Предпринимаются также попытки отыскать смысловые отличия между понятиями «бытие», «реальное», «действительное», «существование». Подобные логические игры весьма увлекательны, но, в основном, бесплодны. Они обычно завершаются созданием новой дефиниции, которая затем подвергается очередному критическому анализу, и процесс «схоластического теоретизирования» продолжается дальше.

Учитывая сказанное, ограничимся эскизным представлением об объекте исследования, именуемым «социокультурная реальность». Ее абстрактный портрет выглядит приблизительно так. Реальность означает факт *присутствия*, бытийности, наличия в мире. Это, говоря словами Гегеля, не «ничто», пустое множество, а содержательное «нечто». Социальность заключается в природно обусловленной необходимости *совместной* человеческой активности, которая и как процесс, и как результат обладает надбиологической и intersubjective значимостью. Культурное измерение социального в любых формах и проявлениях состоит в его *искусственном* характере, сотворенности людьми для реализации их разнообразных потребностей. Это в равной степени касается как вещных, материальных конструкторов (техносфера), так и идеальных (верования, нормы, ценности, идеалы и пр.). Причем с точки зрения глобального эволюционизма искусственно созданная среда обитания человека в определенном смысле является тоже естественной, ибо ее возникновение не противоречит законам природы.

Рассмотрение социальных и культурных граней общества в качестве относительно самостоятельных образований вполне допустимо. Это успешно делает и социология, и культурология. Но следует помнить, что каждая из этих сторон социума органически связана с другой. В итоге социальное и культурное образуют «бесшовную» (Ф. Тембрук) целостность. Для выявления механизмов взаимосвязи культурного и социального («культурность» социального и «социальность» культурного) культуру полезно представить в качестве специфической программы, регулирующей деятельность, общение и поведение людей.

Закрепленный и трансформируемый с помощью языка культуры совокупный социальный опыт выполняет в общественной жизни приблизительно те же функции, что молекулы ДНК и РНК в природе [1]. При этом потребности и достижения общественной практики требуют периодического, временами весьма радикального, пересмотра регулятивного инструментария культуры. В свою очередь, культура работает на опережение и в соответствии с внутренней логикой своего развития, не дожидаясь запросов общественной практики, конструирует программные схемы социальной деятельности на перспективу.

При этом общество развивается прогрессивно лишь в том случае, когда старые и новые социокультурные программы связаны по правилам диалектического отрицания.

Социокультурная реальность как сложное системное образование имеет два органически взаимосвязанных уровня организации: обыденный, повседневный и специализированный, институциональный [2. с. 171–175]. Первый можно условно назвать эмпирическим, второй — теоретическим. В самом общем виде первый, базовый, уровень представляет собой совокупность социокультурных форм, фундируемых непосредственными переживаниями и контактами людей в сфере межличностных отношений при удовлетворении витальных потребностей и субъективных желаний. Здесь люди действуют по большей части автоматически, не подвергая рефлексивному осмыслению свой жизненный мир. Решающую роль в организации их жизнедеятельности играют устоявшиеся традиции, которые воспроизводятся в каждом новом поколении благодаря коллективному бессознательному, исторической памяти и коду национальной культуры (то, что иногда называют «габитусом»).

Специализированный, институциональный, рефлекслируемый уровень социокультурной реальности призван организовать на основе специальных категориально-понятийных матриц хозяйственно-экономическую, политическую, религиозную, научную, технико-технологическую и другие виды совместной жизнедеятельности с учетом внутренних проблем социума и внешних цивилизационных вызовов.

Социокультурная система любого общества является динамичным образованием. При ее диахронной, историко-генетической презентации можно выделить ретроспективную, консервативную часть; доминирующее концептуальное ядро, диалектически снятое из предшествующих программ; перспективные, социопсихологические и идеологические схемы «опережающего отражения действительности», своеобразные зародыши проектов регуляции деятельности, общения и поведения людей будущего.

Согласование этих трех модусов исторического времени — прошлого, настоящего и будущего обеспечивается совокупностью внутренних, интерналистских и внешних, экстерналистских факторов.

Особое место в системе внутренних регулятивов развития социокультурных реалий бытия занимает историческая память субъектов социальных процессов.

Историческую память можно определить как систему знаний, традиций, обрядов, с по-

мощью которых у индивидов, социальных групп, классов, народов, наций складываются представления об их происхождении, важнейших событиях собственной истории и ее соотношении с историей других народов и всего человеческого сообщества. Источником формирования исторической памяти являются устные предания, широкий круг нарративных материалов (учебники истории, мемуары, художественная литература, историография и др.), коммеморации (праздники, посвященные различным историческим событиям, юбилеи, дни памяти и др.), монументальные памятники, аудиовизуальные средства передачи информации (кино, радио, телевидение, Интернет) и т.п. [3].

В данной связи нередко выделяют объективированную (материализованную), интерсубъективную и индивидуальную историческую память. В свою очередь, индивидуальную историческую память часто разделяют на элитарную «память ученого-историка» и память неонаученную, обычного человека. Главным источником последней является личный опыт, повседневное общение с членами родственной социальной группы. Говорят и о таком виде памяти, как официальный исторический дискурс, который политизирован и идеологизирован. В качестве особого вида исторической памяти называют также внедренную в массовое сознание с помощью системы образования и СМИ официальную трактовку исторического прошлого своего и других народов. Все названные виды памяти органически переплетаются и в своей совокупности образуют историческую память общества.

Оживленные дискуссии ведутся о соотношении понятий «историческое сознание» и «историческая память». Здесь встречаются четыре логически возможных варианта: объем первого понятия больше, чем второго; объем второго больше первого; это равнообъемные понятия; эти понятия пересекающиеся.

Сравнение исторической памяти и исторического сознания явно, или, что чаще всего наблюдается, косвенно, в скрытой форме осуществляется по следующим параметрам: непосредственность — опосредованность, спонтанность — сконструированность, формируемое внутри социальной группы — привнесенное извне, устный — письменный характер, увиденное — заученное. Иными словами, речь обычно идет о различных способах формирования у личности или социальной группы представлений о прошлом. Но ведь то, что и как люди помнят, обусловлено той культурой, в которой они существуют. Если отталкиваться от этой позиции, то настаивать на жестком разграничении исторической памя-

ти и исторического сознания некорректно. Ни личной, ни коллективной «чистой» памяти нет и быть не может. Различие между исторической памятью и историческим сознанием не онтологическое и эпистемологическое, а связано с контекстом рассмотрения и исследовательской традицией, которая, в свою очередь, сформировалась на основе определенных эпистемологических предпосылок.

Если придерживаться строгих канонов формальной логики, то эти понятия следует считать пересекающимися. Но их общий объем столь велик, что в абсолютном большинстве случаев от имеющихся смысловых несопадений можно отвлечься [4, с. 185].

В спокойные, устойчивые периоды социального развития острой потребности, по крайней мере, практического плана, «постоянно оглядываться назад при движении вперед» (М. Барг) не возникает: общество катится по наезженной колее, а три измерения исторического времени «прошлое — настоящее — будущее» сворачиваются в застывшую «темпоральную точку». В подобной ситуации исторический дискурс, в том числе и предлагаемый в своем политизированном и идеологизированном виде для массового потребления, воспринимается без ментального напряжения и прагматического интереса. Он как бы временно засыпает.

Когда же социум срывается с линейной траектории и обретает турбулентный характер, историческое сознание актуализируется на всех его бытийных уровнях. В поисках направления дальнейшего развития начинается, если воспользоваться терминологией Гегеля, активное «погружение в основания», сопряженное с переосмыслением исторического прошлого, причем, нередко, весьма радикальное. Так, например, история России была решительно переписана после октябрьских событий 1917 года, смерти И.В. Сталина, ухода с политической арены Н.С. Хрущева, а затем в связи с распадом СССР. История Беларуси долгое время была инкорпорирована в историю российскую. В 1989–1991 гг. она подвергалась серьезной реконструкции, а через некоторое время в нее были внесены очередные изменения.

В процессе подобных рефлексивных действий конструктивное историческое сознание обычно стремится зафиксировать те латентные возможности прошлого, реализация которых в настоящем способна вывести раскоординированную социальную систему на новый уровень ее организации. Обращение к социальному опыту предшественников связано с надеждой, что он может предостеречь от повторения ошибок и подсказать, какие коррективы следует внести в сложившиеся

социокультурные программы жизнедеятельности людей. Иными словами, обновленное дискурсивное прошлое активно включается в настоящее и начинает выполнять функции важного управляющего параметра становления будущего.

Здесь уместно провести параллели с процессами саморегуляции в открытых системах природы. Сценарий возникновения из природного хаоса порядка с последующим превращением его в новый беспорядок и далее с теми же повторениями описан на диалектическом по своей сути синергетическом языке — «точка бифуркации», «диссипатия», «фазовый переход», «асимптотическая устойчивость», «аттрактор» и др. Существенным моментом синергетической презентации взаимодействия необходимого и случайного в природе является положение о том, что в результате хаотичного противоборства огромного множества флуктуаций зарождается новый целевой аттрактор, который задает направление дальнейшему развитию системы. Эти идеи с соответствующими оговорками вполне пригодны для исследования механизмов социального развития.

Особое значение для выяснения роли сфокусированного исторического сознания при стохастическом выборе неустойчивой социальной системой одного из возможных сценариев постбифуркационного развития являются представления синергетики о фрактальном устройстве природы [5]. Ее фрактальность, «самоподобие» заключается в том, что при развертывании природных процессов вдоль осевой линии глобальной эволюции периодически возникают материальные системы, структурно и функционально похожие друг на друга. Природа весьма экономна, действует как рачительный хозяин и не множит сущности без необходимости. Она сохраняет в своей «памяти» лишь тот алгоритм конструкторской деятельности, который выдержал суровые испытания естественного отбора, и только после этого транслирует его на высшие уровни организации материи.

Подобная тенденция развития просматривается и в социуме. Так, появление у наших далеких предков простейших видов социальной деятельности проходило при сохранении биологического аппарата наследственности, племенная и родовая организации трансформировались в этническую, древние верования — в язычество, а затем в локальные и мировые религии, города — в мегаполисы, семья как компактная ячейка общества прошла путь от полигамной до моногамной и существует сегодня.

Разумеется, механизм формирования в социальном развитии новых программно-це-

левых центров притяжения по фрактальному образцу имеет свою специфику. В природе всякое повышение уровня организации осуществляется путем стихийной, но тщательной и всесторонней проверки конструкторских возможностей сохраняемых структур. В социальных системах диагностика прошлого может оказаться либо небрежной, торопливой, не доведенной до конца, либо, что еще опаснее, подчиненной не только внутреннему, но и внешнему политическому интересу. Это приводит к возникновению противоестественного, не совместимого с менталитетом народа вектора развития, длительная ориентация на который чревата деградацией общества.

Социальной почвой, на которой легко приживается сконструированный с помощью изощренных информационных технологий нужный соответствующим политическим силам исторический дискурс, является массовое сознание с весьма смутным представлением о прошлом своей страны, а то и вовсе лишенное исторической памяти. По такой схеме подготовлены и совершены «цветные революции» в ряде стран на постсоветском пространстве. Яркий пример — события в соседней Украине. Резкому изменению траектории ее развития во многом способствовал внедренный в массовое сознание, и, прежде всего, в умы молодежи, историко-идеологический конструкт с ярко выраженным русофобским содержанием.

Обсуждаемая тема весьма актуальна для нашей страны, особенно в контексте строительства белорусско-российского Союзного государства. Его созидание нуждается в хорошо продуманной системе историко-идеологического обеспечения. Это лучшее средство для защиты от появления любого «странного аттрактора», способного остановить интеграционные процессы.

Важнейшим внешним фактором развития социокультурных структур общества являются культурные диффузии, взаимное проникновение культурных элементов и их целых блоков из одной страны в другую. Как известно, в любой замкнутой, закрытой системе действует закон возрастания энтропии, в соответствии с которым устоявшийся порядок со временем превращается в необратимый хаос. Не являются исключением и социокультурные комплексы. Ни одна из культур не может быть самодостаточной. «Подпитка» национальных культур внешними заимствованиями крайне необходима. Это эффективное средство предотвращения культурного застоя, стагнации. Но следует помнить, что культурные заимствования бывают двух видов.

1. Сознательное, добровольное внесение в свою культуру некоторых чужеродных образцов обустройства быта, сложившихся схем хозяйствования и общения людей, а также всего того, что может принести явную или скрытую выгоду для народа, позволяет поднять его международный имидж, способствует продвижению вверх по ступеням прогресса. Но здесь надо действовать весьма осторожно. Ведь в том случае, когда процесс заимствования и внедрения чужих культурных ценностей достигает критической отметки, своя культура начинает терять специфику, лишается национального колорита и в итоге деградирует. История дает тому немало подтверждений. Так, эллинистическая культура окончательно распалась в результате тесного контакта с сирийской цивилизацией, разложившей ее, и христианской, пришедшей ей на смену. А вот активное культурное взаимодействие Египта, Вавилона и Индии привело к образованию своеобразного «культурного компоста», на основе которого затем в Европе возникла греческая цивилизация [6, с. 166].

2. Насильственное навязывание того образа жизни и типа мышления, которые противны культурному бессознательному, основе менталитета народа и коду его культуры. Именно эта хрупкая этнопсихологическая субстанция оказывает решительное сопротивление тем культурным новшествам, внедрение которых требует радикального отказа от сложившихся традиций и привычек, норм поведения и общения, общепринятых ценностей обыденной жизни.

Менталитет как «совокупность неких общих “фоновых” черт, компонентов и доминант, включающих сходный этнопсихологический склад, особый “подтекст” мыслей, поступков, настроений, а также мотиваций и моделей поведения, формировался на протяжении многих столетий и тысячелетий» [7, с. 129]. В итоге латентно-бессознательные основания ментального облика народа стали передаваться из поколения в поколение с подключением аппарата генетического наследования.

Сказанное вовсе не означает, что ментальные основания национальной культуры, которые формируют ее код и оказывают непосредственное влияние на возникновение и развитие социокультурных программ, являются абсолютно устойчивыми образованиями. При развитии культуры с использованием сознательно внедренных заимствований код культуры подвержен определенным трансформациям. Он может упрощаться, усложняться, видоизменять знаково-символический аппарат для выражения уникальных черт культуры и национального характера

людей [8, с. 72]. Но его ментальная сущность сохраняется. Насильственное же давление на менталитет народа, особенно на неокрепшее сознание молодежи, активное вторжение в подсознание с помощью изощренных информационных технологий способно заразить код культуры «смертельным вирусом». Поэтому любая культура должна уметь «защищаться от нежелательного проникновения, которое может оказаться губительным для нее» [6, с. 161].

Острую потребность в этом после длительной и массивной либерально-буржуазной обработки умов ощутила русская культура. Осознав реальную угрозу разрушения своего национального генокода, Россия стала активно «сосредотачиваться». Как отметил Владимир Путин в известной статье «Россия: национальный вопрос», русский культурный код в последние десятилетия подвергся серьезным испытаниям, его «пытались и пытаются взломать. И, тем не менее, он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь». В связи с этим отмечена огромная роль образования. Главная гражданская задача образования, равно как и всей системы просвещения, — дать каждому абсолютно обязательный объем гуманитарного знания, который составляет основу самоидентичности народа. Соответствующие ориентиры должна выработать и государственная политика в области культуры, располагающей такими мощными средствами воздействия на сознание людей, как печатные СМИ, телевидение, Интернет и др.

Со схожими во многом проблемами столкнулась и Беларусь. Причем нам сегодня необходимо не только сохранить свою этническую и социокультурную самобытность в условиях натиска бездуховной потребительской идеологии, но и не растерять ее в процессе строительства общего с Россией Союзного государства. «Визитной карточкой» белорусов являются такие ментальные качества, как религиозная толерантность, трудолюбие, терпеливость, упорство в достижении цели, рассудительность, осторожность в принятии решений, укорененность в свою землю, умение ладить с соседями, ориентация на «минимум страданий», а не на «максимум удовольствий», приверженность классическому браку и семье. Эти качества формировались по мере прохождения этноса через языческий, христианский, литвинский, польский, российско-имперский, а затем советский периоды развития. Следует признать, что социалистическая идеология при всех ее изъянах по своей сути соответствовала традиционным ценностям белорусов [9, с. 49].

И когда «архитекторы перестройки» в начале 1990-х годов разрушили социалистическое государство и толкнули Россию на радикально новый и, как выяснилось, уродливый путь развития, белорусское общество довольно быстро справилось с турбулентным состоянием и продолжило движение по прежней, но скорректированной траектории. Процесс освобождения от отживших свое время советских идеологием и схем хозяйствования в ходе создания собственного национального государства начал совершаться без резкого нажима на менталитет народа. Российской же стороне было предложено осуществить «фрактальное погружение» в недалекое прошлое двух стран и попытаться «срастить» насильственно разорванное на качественно новой, модернизированной экономической и политической основе. В результате 2 апреля 1996 года был подписан Договор об образовании Сообщества России и Беларуси, ровно через год — Союза Беларуси и России, а 8 декабря 1999 года — о создании Союзного государства.

Если принять во внимание, что Россия стала на путь исправления деформаций, которые появились у нравственного сознания общества в результате перестройки и последующей за ней «бандитской приватизации», то для задуманного единения братских народов имеются неплохие социокультурные предпосылки. Однако интеграционные процессы нуждаются в добротном идеологическом сопровождении.

И, наконец, отметим, что отказываться от заимствования экономического, политического, правового и духовного опыта Запада было бы неразумно. Но здесь нужны выборочная диффузия и осторожная, неторопливая их адаптация к ментальным качествам народа без перестройки кода его культуры. Этим приемом мастерски пользуются некоторые страны. Образец — Япония и Китай. Используемый ими инокультурный опыт всегда принимает специфическую национальную окраску и органически вписывается в исторические традиции. По такому пути пытается идти и наша республика, опираясь на «пограничный» характер духовной жизни народа.

Заключение. Социокультурная реальность является результатом и одновременно условием творческого преобразования природы, общества и самого человека. Это позволяет ей выступать в качестве программы деятельности, общения и поведения людей. Для успешного выполнения сложных регулятивных функций социокультурные структуры общества должны опираться на историческую память, менталитет народа и код на-

циональной культуры. При разрушении этого тонкого субстрата культура, особенно в условиях глобализирующегося мира, стандартизируется, национально обезличивается и в итоге вырождается. А вместе с этим возникает угроза исчезновения и самого народа как этнической и социокультурной общности. Вот почему культурный геном народа следует тщательно оберегать от деструктивных заимствований.

Литература

1. Степин, В.С. Культура / В.С. Степин // Новейший философский словарь. — Минск: Интерпрессервис, 2003. — С. 527–530.
2. Орлова, Э.А. Социокультурная реальность: к определению понятия / Э.А. Орлова // Вопросы социальной теории. — Т. II, вып. 1(2). — Т. II. — С. 161–175.
3. Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния [Электронный ресурс] / Ж.Т. Тощенко // Новая и новейшая история. — 2000. — № 4. — Режим доступа: <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM>. — Дата доступа: 23.10.2016.
4. Сыров, В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования / В.Н. Сыров // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер., История. — 2013. — № 1(21). — С. 183–190.
5. Слемнев, М.А. Диалектическая природа феномена фрактальности / М.А. Слемнев // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. — 2015. — 19 т. — С. 101–105.
6. Добренков, В.И. Фундаментальная социология: в 15 т. / В.И. Добренков, А.И. Кравченко // Культура и религия. — М., 2007. — Т. 11. — 1104 с.
7. Рудковский, Э.И. Культурный код, историческая память и региональное сотрудничество / Э.И. Рудковский // Искусство и культура. — 2015. — № 4(20). — С. 69–74.
8. Востриков, С.В. Парадоксы национального восприятия в условиях приграничья: исторические особенности развития этноэволюционных процессов / С.В. Востриков // Образы России и Беларуси в контексте приграничья. — Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. — 236 с.
9. Кизима, С. Белорусский менталитет в российско-белорусских отношениях / С. Кизима // Свободная мысль. — № 2. — С. 47–60.

Поступила в редакцию 28.11.2016 г.